

Россия - 2003. - 3 июля. - с. 24

Золушка русской эстрады

Я слышу цокот копыт по пыльной, мощенной булыжником дороге, чувствую мерное покачивание телеги и закрываю глаза. Это средневековая Франция. Жаркий июльский зной, ослепляющая синева неба и виноградники, раскинувшиеся вдаль – до самого горизонта. И у меня захватывает дыхание – от яркого солнечного света и безграничного простора, от состояния полета сквозь миры, от ощущения счастья и мгновения полной свободы. Так звучит голос Елены Камбуровой. И пока я не слышала его, я не понимала, что такое настоящая, исконная Песня. Французы говорят: «chanson», шансон. Но называть Камбурову «шансонье» по-русски язык не поворачивается – настолько исказили у нас значение этого слова блатным носоглоточным подвыванием. Камбуrowa – большой художник. Она живописует голосом удивительные полотна, в которых есть пространство, время и жизнь души. Она рисует штормящее море и скрип колыбели, бряцание мечей и человека, говорящего с Богом.

– Мой первый вопрос будет, может быть, смешным, глупым и риторическим, но тем не менее. Побывав на вашем последнем концерте, я испытала шок – как от высочайшего исполнительского уровня, так и от семейственной узости вашей аудитории. Я не могу понять, почему во всю длину Тверской улицы или Манежной площади не вывешиваются транспаранты типа: «Елена Камбуrowa! Сольный концерт в Москве! Спешите видеть!» Почему плакаты с вашим профилем не пестрят по всему городу наряду с портретами Киркорова, Кас или Доминго? Почему вы себя не рекламируете? Это нужно не ради денег, а ради молодежи, которая, я уверена, нуждается в такой музыке, но которая совершенно не знает вас!

– У нас некому этим заниматься. Ведь промоушн – это отдельная профессия, да? Никто энергичный со стороны не приходит, а у меня самой нет на это сил и времени. Но есть и другая сторона проблемы. Я прекрасно знаю, что есть огромная аудитория по всей стране, которая хотела бы слышать меня и песни такого рода, но она их не может слышать! Потому что мои песни не звучат ни на телевидении, ни на радио! Их как будто бы нет, но на са-

мом деле они есть. А что касается молодых, действительно, я вижу очень много молодежи на своих концертах. Но ее могло бы быть гораздо больше. Иногда смотришь на эстрадную тусовку и видишь: лицо-то хорошее, но оно обезображено этим общим выражением толпы.

– Там очень важно в формат попасть.

– Попадает человек в формат, а лицо глупеет, дурнеет, потому что оно лишено душевного напряжения. Оно принимает общее выражение этой среды. К сожалению, молодым исполнителям сейчас очень трудно: если они хотят успеха, то вынуждены вращаться в этом коммерческом колесе и подчиняться диктату попсы. А попса сегодня – это настоящий уничтожитель души, индивидуальности. Если же они выбирают свой путь, то обречены на неизвестность, безденежье. Как им помочь – я не знаю. Совершить чудо могло бы только телевидение.

– И все-таки молодые артисты приходят к вам в театр?

– Да. Некоторые ребята, такие, как Ирина Евдокимова, Александр Лушник или Наташа Бондарь, пришли к нам после конкурса актерской песни имени Андрея Миронова. Раньше я была в жюри этого конкурса...

– Раньше? А сейчас?

– Мы расстались по обоюдному согласию. Мне многое перестало там нравиться. На первых этапах конкурса мнения членов жюри были единодушными, наши вкусы обычно совпадали. Но финал почему-то неминуемо каждый раз превращался в эстрадную тусовку, куда не попадали люди с более тонким пониманием песни. После того как я несколько раз высказала свое несогласие, меня перестали приглашать в жюри. К тому же организаторы относились к конкурсу как к одноразовой акции и совершенно не занимались в дальнейшем помощью лауреатам. И те оставались предоставлены самим себе. Я пыталась им помочь – кого-то приглашала к себе в театр, кому-то устраивала концерт, но все-таки поддержка, хотя бы моральная, должна исходить и от организаторов конкурса.

– Вы затронули очень важную тему: как человек, выбирая тот или иной путь, меняется в зависимости от своего выбора. Дело, которым мы занимаемся, формирует нас...

– Очень сильно формирует.

– ...И не только вы создаете свой репертуар, но и он – вас...

– Абсолютно. Я считаю себя учеником школы своих

песен. Они меня и сейчас воспитывают.

– И с этих позиций вы выбираете репертуар?

– Нет, мой выбор в большей степени эмоционален. Меня довольно часто упрекают в недемократичности, и это меня удивляет. То, что мне кажется простым, даже элементарным, люди порой считают сложным для восприятия. Значит, они вообще не читали сложных стихов. А слушали только то, что им предлагает Песня-90 или Песня-2000.

– Все больше молитв появляется в ваших программах... Возможно ли, что вы доберетесь до самых вершин смысла, где мало людей, где – разговор с Богом?

– Вряд ли я в этой жизни дойду до такого состояния. Слишком много суеты вокруг. Мне трудно это представить. Конечно, бывают дни, когда без молитвенного начала в концерте нельзя выступать. Но есть и молитвы, которые я пою очень редко.

– Вы уже много лет работаете с одними и теми же музыкантами. Чем объясняется ваше постоянство?

– Действительно, с пианистом Олегом Синкиным мы работаем вместе с 1986 года. Спустя шесть лет после него появился гитарист Вячеслав Голиков. С тех пор мы вместе. Они оба – прекрасные музыканты. Кстати, Олег Синкин неплохо поет.

Мы порой не сходимся во вкусах, но у нас с ребятами получается иногда ворожить. Знаете, я обхожусь без музыкальных терминов, я говорю: «Давайте поворожим вот с этой песней».

И мы вместе пытаемся создать определенную атмосферу. Если песня решилась – она попадает в концерт, а если нет – ложится на полку и ждет своего часа. Например, Владимир Дашкевич показал мне песню «Балаганчик». Я абстрактно ее послушала, подумала: «Ой, наверное, будет непонятно, недемократично, ведь здесь столько персонажей...» И года четыре она у меня лежала, а потом стала одной из моих самых любимых и часто исполняемых песен. Или «Елка» Александра Лушника, без которой я почти никогда не выступаю. А ведь когда он пришел и по-бардовски мне ее показал, я подумала: «Мило» – и все. Только года через два я вспомнила о ней в связи с Новым годом, представила эту атмосферу праздника, летящий серпантин, фейерверк... Мои музыканты потихонечку одели мелодию в свою аранжировку, насадили нотки, как птичек на ветки, украсили, потом придумали движение – и «Елка» случилась.

– Вы говорите, что музыка – это самая осязаемая дорога в прошлое, и часто обращаетесь к ушедшим эпохам – Средневековью,

Камбуrowa Елена

Серебряному веку... А что вы там ищете?

— Я ищу то, чего нет здесь.

— Но всегда можно найти параллели.

— Можно. Есть и люди, которые живут по критериям извечного времени. И даже у меня эти минуты есть, когда я живу без суеты. Но это — редкое исключение. Потому что ритм жизни, скорость изменились страшно. Вот у меня есть дом в деревне, и я вижу, что люди, которые выросли в деревне и почти никуда отсюда не выезжают, говорят совсем по-другому, медленно, и манеры у них неторопливые, как в давние времена. Тогда и общение было другое, и агрессии было меньше. Ведь о чем бы ни пелось в старинной песне, пусть даже о войне, там не было агрессии. Люди неспешно и ненавязчиво сообщали какие-то важные вещи.

А сейчас вся рок-культура построена на физиологическом воздействии: это и агрессивное произнесение слова, и агрессивная аранжировка, и очень крупный план ударных, который тебя буквально пронзает. В этом смысле мне очень дорог Булат Окуджава, который живет по законам извечного времени: очень хорошо дышится в его песнях.

— И все-таки любой человек предпочтет скоростной поезд пассажирскому.

— Да, конечно. Я тоже летаю на самолете в другие города, а не хожу пешком. Но по большому счету дальше идет все-таки тот, кто меньше ездит. Это абсолютно точно. В том смысле, что духовный, душевный путь требует оседлости. Есть, конеч-

но, люди особого дара, которые могут даже при внешней суете сохранять такой крепкий стержень внутри. Но в основном творческим людям — писателям, музыкантам, художникам — необходимы покой и отдохновение.

— Неужели современные ритмы вам нисколько не интересны и вы никогда, гуляя по городу, не ощущаете это время и эту жизнь своей?

— По-моему, нет. Когда я слышу выражения вроде «отмывание денег», то чувствую себя ребенком, который ничего не понимает в этой жизни. Гуляя по городу, обращаю внимание только на старинную архитектуру. Современные дома функциональны, но в них нет тепла, хотя иногда мне нравится дизайн витрин. Я бы с удовольствием смотрела на лица людей, я ищу их, но крайне редко вижу лица, которые мне приятны. Я опускаю глаза и прохожу мимо, чтобы не заразиться этим жутким полукриминальным выражением лица.

— Вы смотрите на все как бы из другой эпохи?

— Я очень хорошо представляю, каким было выражение лица человека до XX века. Вот вспомните лицо Лотмана. Если бы я его встретила сегодня на улице, мне кажется, у меня перехватило бы дыхание. Но таких лиц сегодня нет. Иногда, когда еду в метро, я играю в игру, которая так и называется: «Найди лицо». И когда вдруг нахожу — это такое счастье! Не в смысле красоты, потому что иногда встречается очень красивое лицо, но с таким надменным, противным выражением, что ты его отмечаешь сразу.

ДОСЬЕ

Елена Антоновна Камбутова, певица, актриса, народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии РФ. С 1989 г. художественный руководитель Московского театра музыки и поэзии. Выпустила 10 пластинок и компакт-дисков с песнями на стихи Мандельштама, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, Тувима, Блока, Лорки, Окуджавы. Записаны вокальные циклы Шуберта, Мусоргского. Русские народные, еврейские, английские, французские песни и баллады. Ее голос звучит более чем в ста кинофильмах и мультфильмах, среди которых — «Раба любви», «Дульсинея Тобосская», «Небеса обетованные», «Нас венчали не в церкви», «Приключения Электроника», «Приходи на меня посмотреть», «Женская логика» и др. Сколько концертных программ создано — вряд ли кому удастся подсчитать.

— Вы ищете приметы другой жизни?

— Не другой, а той жизни, которая должна быть по моему представлению. Жизнь души. Однажды я была в Лиссабоне на каком-то празднике и полчаса пробиравшись сквозь толпу, но у меня не было ни йоты раздражения! Вокруг были доброжелательные, светлые лица. Тогда же я открыла для себя песенный жанр португальцев «фад» — и я была счастлива! Потому что «фад» у них — основной, профилирующий жанр, как у нас — попса. Но «фад» — это примерно то, что я пою: хорошие стихи, прекрасная мелодия, чудесная интонация, голос. Если такие песни в стране — массовые, это о чем-то говорит.

— В каких странах вы выступали?

— Так, чтобы с афишами по всему городу, — в Лондоне, Амстердаме, еще — в Греции.

— У вас греческие корни, правда?

— Да, и по отцу, и по матери. Я хорошо ощущаю это, когда пою греческие песни. Но когда я поехала в Грецию, была немного разочарована ее современным видом. А нравится то, что они поют только свои песни и только на своем языке.

— У вас в репертуаре песни французские, английские, русские народные, испанские... А есть эпохи, которые вам не интересны?

— Есть эпохи, до которых просто не доходят руки. Они вообще много до чего не доходят, может быть, и до того, что должно составлять основную часть жизни. Время уходит на одно, другое, вечером думаешь: «А что же в этом дне случилось? С кем говорила, что делала? Хотя бы мысль благая была?»

— Вы хорошо чувствуете музыку стиха. Почему же не сочиняете песни сами?

— Во мне, конечно, есть что-то авторское, потому что очень много музыкальных тем приходит. Но я их откладываю, иногда записываю и думаю: не время еще. Пока не появилось ни одной законченной мелодии. И стихи я в свое время писала, но потом поняла, что пишу очень средне. Просто зарифмовываю какие-то — не бог весть какие — мысли, а образов нет. Поэзия — это образ.

— Вы уже спели все, что хотели?

— Так не получается, потому что я записываюсь не лучшим образом. Мне всегда кажется, что я могу сделать гораздо лучше. Постоянное ощущение, что я «не до...» — не дописала, не допела... Я восхищаюсь Жаком Брелем, который, как комета, промчался по жизни — цепко, собранно, он успел сделать все: фантастически петь, вы-

ступать, записываться, а потом все бросить и уйти. Если бы я так могла! Но у меня чувство удовлетворения не задерживается. Концерт проходит, и он тает во времени, словно его и не было вовсе. Какие-то дорогие моменты, которые были найдены, уходят вместе с ним.

— А страх потерять голос есть?

— Нет. Я берегу голос по мере сил, но не на концертах. У меня есть ряд песен, после которых голос автоматически должен садиться. Я пою их на каждом концерте.

— Никогда за долгие творческие годы вы не хотели изменить свой имидж? Резко похудеть, например, перекраситься?

— Блондинкой я уже была в ранней молодости, этого мне достаточно. А похудеть — да, хотела бы (смеется). И всегда хочется быть более демократично одетой на сцене. Чтобы мой костюм был как вторая кожа — удобен, незаметен, небросок, но элегантен.

— Расскажите о вашей семье.

— Мой брат Володя живет в Петербурге. Два раза в году я бываю там с концертами. И каждый раз, рано утром, когда «Красная стрела» прибывает на Московский вокзал, он встречает меня на перроне вместе с моими друзьями. Он не пропустил ни одного моего концерта, хотя по профессии далек от музыки — он инженер-гидролог. А родителей уже нет. Отец был инженер, мама — врач-педиатр. Они жили в Хмельницком, и мама очень радовалась, когда выходили статьи обо мне. Но по телевидению видела меня редко и все время спрашивала: «Почему же ты, дочка, не поешь популярные песни? Тебя бы чаще по телевизору показывали, больше людей бы тебя любило и знало...» Что же делать, если я люблю эти песни?

Беседовала Алла Ануфриева

ФОТО ИЗ АРХИВА ЕЛЕНА КАМБУТОВОЙ

